

ЯЗЫК КАК МИР И МИР КАК ЯЗЫК НАБЛЮДАТЕЛЯ: НА ПУТИ К ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОМУ ПОДХОДУ К ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ

А.С. Дружинин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

*Одной из важных целей лингвистической науки, несомненно, является осмысление генеративных механизмов языка, а именно исследование причин и следствий смыслопорождения в речемыслительных процессах. В данной статье предлагается синтетический взгляд на эпистемологическую проблему наблюдателя как лингводеятеля и когнитивного агента, конструирующего свой мир в языке и свой язык в мире (М. Мерло-Понти). С опорой на лингвофилософию энативизма (Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош) и радикального конструктивизма (Э. фон Глазерсфельд, У. Матурана) приводится ряд аргументов против позиции объективного реализма и репрезентационизма, популярных в традиционном языкознании. Утверждается, что объективность – это языковая иллюзия наблюдателя, возникающая в результате абстрагирующего и рефлексивного мышления, когда перцептуальные объекты становятся “как если бы перцептуальными” (ср. реальность *Als ob* Г. Файхингера), т.е. именованьями, которые замещают тот или иной эмпирический материал. Любое сенсомоторное “событие” может превратиться в опыт наблюдателя и генерировать воображаемый материал благодаря когнитивным операциям и операциям над результатами этих операций. Язык, таким образом, – это сложный процесс, обуславливающий существование наблюдателя: это конструирование опыта в сенсомоторике и эмоционально-волевой тональности абстрактно-рефлексивных операций. Никакое языковое значение, тем самым, нельзя рассматривать только как умственную или эмотивную категорию; семантика языка имеет экспериенциальную природу и её изучение целесообразно проводить в парадигме эмпирической методологии, а не (только) в рамках текстологического и логико-семантического анализа.*

Ключевые слова: абстракция, рефлексия, объективная реальность, когнитивный агент, мысле-действие, эффект наблюдателя.

1. Введение: наблюдатель в языке науки

Понятие наблюдателя прочно вошло в научный обиход со времён теории относительности А. Эйнштейна, положившей конец физическим моделям абсолютных величин. Пришло понимание того, что все свойства пространства и времени справедливо измерять

относительно отдельно взятой системы отсчёта. На основе фактора релятивности в науках строятся концепции, доказавшие свою работоспособность в описании и формализации явлений не только природы, но и техники. В качестве примера можно привести теорию эффекта наблюдателя, получившую распространение в междисциплинарных исследованиях: в кванто-

вой механике, в частности, это теория о том, что наблюдение феномена неизбежно изменяет сам феномен [8]; в информационных технологиях под эффектом наблюдателя понимается воздействие на протекание компьютерных процессов, вызванное актом самого наблюдения за этими процессами [13]. Существует также и метатеоретическая интерпретация эффекта наблюдателя, используемая в исследовании методологии исследований: эффект ожиданий наблюдателя (*observer-expectancy effect*) – это когнитивное искажение, влияющее на результаты и ход эксперимента, когда предвзятость подтверждений исследователя (склонность к подтверждению своей точки зрения) воздействует на состояние участников эксперимента и/или искажает предмет самих подтверждений [9, с. 374].

Так или иначе, в современной научной парадигме измерение и исчисление пространства и соответствующих величин, так же как измерение самих измерений не может производиться без учёта заданной либо задаваемой системы координат, в качестве которой и выступает наблюдатель. Всё это лишнее раз говорит о том, что реальность, насколько бы всесторонне она ни поддавалась объективации со стороны учёных путём превращения её в объект исследований, всё равно остаётся достоянием (и состоянием) наблюдателя, а значит, его эпистемологический портрет служит своеобразным *master key*, ключом от всех дверей, ведущих к познанию человека и мира, где язык выступает не в качестве посредника, а как *условие* существования того и другого.

2. Наблюдатель и язык: абстрагирование

Наблюдатель является организующим началом феноменального мира, создающим такие референциальные рамки (ср. англ. термин *reference frame* “система координат”), в которых он может качественно и количественно измерять этот мир, прежде всего, назвав его именем. Быть наблюдателем не значит только воспринимать: сова, долго высматривающая добычу, не может считаться наблюдателем. Наблюдатель не значит просто говорящий: говорящий попугай, натренированный произносить то, что мы интерпретируем как слова, не именуется, не измеряет. Быть наблюдателем значит сохранять (*ob-* “перед”, *servare* “хранить”; *на-* “направление действия вовнутрь”, блюсти “хранить”) то, что предстаёт перед взором, у себя внутри как некую

сущность, которую можно использовать для мысленного воспроизведения того, что было, и с которой можно производить мысленные “манипуляции” для конструирования более сложных сущностей. Иными словами, наблюдать значит сохранять и действовать. Разумеется, только язык предоставляет возможность человеку осуществлять такие ментальные процессы, поэтому более удачным определением наблюдения было бы “**сохранять и действовать в языке**”.

“Сохранить” воспринимаемое как сущность означает выделить себя как воспринимающего, локализовать себя в окружающей среде и осознать свои состояния. В основе такого сохранения лежит механизм абстрагирования, заключающийся в изолировании из общего перцептуального потока отдельных его элементов (перцептов). В своих исследованиях в области генетической эпистемологии Ж. Пиаже (1937, 1975) подробно описывает сущность когнитивного механизма абстрагирования. Способность к абстракциям развивается у детей как первоочередное условие для формирования “чувства постоянства”, когда ребёнок может осознать, что объекты не исчезают, если на них не смотреть. Э. фон Глазерсфельд (1995), изучавший работы Ж. Пиаже в оригинале, подробно рассматривает эпистемологические характеристики данного явления, отмечая, что они зачастую трактуются неверно из-за двусмысленного перевода терминов на английский язык.

Во-первых, это чувство постоянства (называемое Ж. Пиаже объектным постоянством) возникает не как отображение свойств внешнего мира, а как первое понимание ребенком своей “самости”, идентичности. Индивидуальная идентичность служит своеобразным когнитивным фундаментом для превращения недифференцированного хаоса окружающего мира в организованные и упорядоченные структуры, являющиеся частью личного опыта когнитивного агента. Мир становится всё более и более предсказуемым по мере того, как различные взаимодействия с ним становятся экспериенциальной “собственностью” того, кто эти взаимодействия совершил. Сенсомоторное участие в познании мира становится необязательным – достаточно признать и представить возможность такого участия. Необязательно воспринимать воочию своё окружение – можно допустить существование последнего.

Второе эпистемологическое следствие способности к абстрагированию заключается в том,

что данная способность проявляется только в языке (не предшествует ему и не следует за ним, а совпадает с ним). Язык – это первое, что позволяет человеку осознать себя, так как “на языке говорю я, а значит, это мой язык, а значит, это я” [18, с. 297]. Признать то, что объекты существуют вне нашего непосредственного восприятия, значит назвать воспринимаемое именем. Имя есть распределение тела в пространстве, а точнее формирование уверенности в том, что у каждого объекта восприятия есть своё определённое место в окружающем перцептуальном мире. Поток меняющихся сенсомоторных ощущений приобретает стабильность благодаря тому, что каждому из них находится своё неизменное место в жизненной динамике. На деле же, неизменным становится носитель жизненной динамики в своей индивидуальной идентичности, которая формируется благодаря способности создавать и запоминать имена и, прежде всего, своё собственное имя.

Благодаря осознанию своей “самости” в языке человек способен признать перманентность мира вещей и явлений, постоянство объектов как существующих вне его активного восприятия. Все объекты существуют лишь потому, что человек сумел абстрагировать себя от них, а точнее от их непосредственного наблюдения, и поместить их в “уже не перцептуальное” поле, поле отсутствия чувственных презентаций / представлений (называемое Ж. Пиаже “прото-пространством”) в виде соответствующей замены, ре-презентации. Индивидуальная идентичность и соответствующий концепт “Я” становятся неким вместилищем, ментальным миром, куда наблюдатель помещает объекты своего восприятия в абстрагированном виде. В этом прото-пространстве существует только мир, отвлечённый от своего непосредственного сенсомоторного восприятия. Таким образом, умение абстрагироваться от актуального объекта восприятия, изолировать себя как субъекта и источника существования объектов позволяет признать само существование объектов вовне, хотя, по сути, существуют не объекты, а наблюдатель [19, с. 69-71].

С помощью термина прото-пространства Ж. Пиаже пытается доказать, что абстракция как мысленное отвлечение от объекта восприятия всегда требует некоего простора для того, куда можно совершать такое отвлечение, отхождение, отрешение, или же куда можно помещать результаты таких отвлечений. Между тем, как

утверждает Э. фон Глазерсфельд, критики неверно трактуют выводы Пиаже о сущности абстрагирования и говорят, что развитие способности к абстрагированию как средству создания отвлечённой от себя действительности, постоянства объектов окружающего пространства вне непосредственного наблюдения, свойственно не только наблюдателю. Утверждается, что некоторые животные тоже способны реагировать на появление предмета так же, как они реагировали на него до его исчезновения из перцептуального поля. Сохранение в памяти прототипических признаков воспринимаемых объектов специфично для многих млекопитающих. По мнению Глазерсфельда, это нельзя считать истинным абстрагированием, поскольку последнее всегда подразумевает отражательность, создание обратной траектории мысленного движения по отвлечению, отходу, отрешению от объекта восприятия [19, с. 96]. И такая траектория формируется только в сознании человека благодаря рефлексии.

3. Наблюдатель и язык: рефлексирование

Если абстракции снабжают субъекта своего рода инертной реальностью, набором конструктов, то рефлексия обеспечивает операциональность этой реальности.

В рефлексивных актах мышления человек связывает предмет мысли с состоянием самого себя, чтобы преобразовать новое мыслимое. Рефлексия – это инструмент оперирования абстракциями в познавательной деятельности человека. В отрыве от непосредственного восприятия действительности человек не пассивно ожидает появления этой действительности с готовностью узнать то (re-cognize), что он раньше видел, а активно управляется опосредованной формой восприятия. Он начинает думать о “думании”, то есть о своём собственном абстрагировании, и “манипулировать” созданными отвлечениями, развивая новые абстракции. Рефлексирование позволяет нам выйти за пределы линейного экспериенциального потока, выделить какую-то его часть в качестве объекта внутреннего наблюдения, то есть ре-презентированного, а не представленного (презентированного) непосредственному чувственному восприятию. В рефлексии мы вычленим конкретные перцепты из общей экспериенциальной динамики и смотрим на них, как будто мы переживаем их непосредственно “здесь и сейчас”. Это становится

возможным благодаря фокусировке внимания и интенциональности – когнитивным свойствам нашего восприятия изолировать то, что следовало до, от того, что будет после, и воспринимать это уже в качестве новой, самостоятельной сущности [там же, с. 90].

Рефлексия обеспечивает оперирование абстракциями и даже абстракциями от самого процесса оперирования абстракциями. Последние Ж. Пиаже называет рефлексивными и от-рефлексивированными абстракциями [14; 15]. Это продукт мысленного отвлечения от того опыта, в котором человек ещё не принял сенсомоторного участия. Концептуальное конструирование в данном случае зависит не от непосредственного эмпирического материала, а от определённых операций и действий, которые субъект совершает в своём сознании над имеющимся перцептивным материалом. Такие операции не могут стать непосредственными перцептуальными объектами, они всегда ментальны по своей природе. Но они могут стать предметом внутренних рефлексивных мыслей субъекта. Результаты таких рефлексивных действий над собственными операциями представляют собой уже отдельные объекты познания. Фокусируя внимание на данных “как если бы” эмпирических объектах (реальность *Als ob*, по Г. Файхингеру), субъект взаимодействует с тем, что активно не воспринимается. Этим самым он порождает новые ситуации, не наблюдаемые воочию в действительности, то есть генерирует воображаемый материал, расширяя свою область познания до пределов концептуальных структур.

4. Объективность как языковая иллюзия наблюдателя

Абстракции и рефлексии, с одной стороны, продуцируются из конкретного эмпирического материала, с другой стороны, они организуют все сенсомоторные процессы. Наблюдатель воспринимает окружающий мир и начинает в дальнейшем манипулировать тем, *что* и *как* он воспринимает. Этими “манипуляциями” он меняет свой окружающий мир, превращая его в знакомые структуры, в которых и посредством которых он действует в целях самоорганизации (ср. структуры действия и структуры для действия [4]). Такие структуры становятся своеобразной семантической жизнью наблюдателя (*semantic living* [12]), реляционной областью, которую мы называем языком.

В этой области абстракции замещают чувственный опыт, рефлексивные абстракции замещают моторный опыт, но, взаимодействуя с ними в мышлении, человек начинает верить, что они замещают не опыт, а действительность вокруг. Всё дело в том, что мысле-действия порождают в человеке “реальные чувственные восприятия, переживания” [3, с. 101]. Мышление обусловлено таким нейрофизиологическим процессом, при котором “нервная система взаимодействует с некоторыми из своих собственных внутренних состояний, как если бы они были независимыми сущностями” [11]. Так происходит конструирование реальности в языке, которая уже неотделима от непосредственного физико-химического окружения: наблюдая, человек начинает жить в реальности своего наблюдения, которую он принимает за мир “как он есть”.

Язык, как и реальность, создаваемая в нём и посредством него, – это интерактивное взаимодействие наблюдателя и наблюдаемого, пары сущностей, сцепление (*con-ception*) или сопряжение (*coupling*) которых обеспечивает существование друг друга. Убрать наблюдателя как языковую сущность или наблюдаемое как его реальность – всё равно что совершить хлопок одной ладонью. Без языка не существует наблюдателя, без языка нет наблюдаемого. Но что же есть? Есть только неназванность, не упорядоченный именованный хаос, и есть субъект восприятия, действующий в этом хаосе только на сенсомоторном уровне. “В конце концов, ни один человек никогда не видел и не имел дела с бесформенной или не рассортированной материей. Точно так же ни один человек никогда не видел и не имел опыта “случайного” события” [6, с. 8]. Одно событие всегда служит для другого объяснением в глазах наблюдателя.

Объективность – это иллюзия того, что наблюдатель и наблюдаемое могут существовать отдельно, иными словами, что-то можно наблюдать без наблюдателя. Такое убеждение свойственно дуализму картезианской (лингво) философии и объективного реализма. Концепция конструктивизма и энактивизма позволяет взглянуть на проблему объективизма иначе. Объекты внешнего мира суть не что иное, как языковые структуры, упаковывающие и конструирующие эмпирический опыт взаимодействия человека со своей (перцептуально доступной) средой. Объекты и объективность – это результаты, а не условия познания. Перефразируя слова Х. Ферстера, можно сказать,

что “объекты обязаны своим существованием именам” [18, с. 249].

Приняв некоторую степень номинализма, мы скажем, что любое событие t рассматривается как таковое только в языковой среде, которая обуславливает его толкование и индивидуальное конструирование в мыслительной деятельности. Не назвав это событие и не сделав его лингвистически описанным, мы не воспринимаем его как часть нашей реальности и действительности вообще. Поэтому справедливо будет обозначить это как $t(L)$ (L = лингвистическая область). Более того, толкование того или иного события могут варьироваться от наблюдателя к наблюдателю и прирастать различными образными ассоциациями в зависимости от интенциональности, эмоционального модуса, объёма познавательной перцептуальной активности субъекта: для кого-то просто остановилась машина, а для кого-то она неожиданно заглохла, для кого-то другая машина встала посреди дороги, для кого-то ещё машина перегрелась на солнце. Поэтому для события $t(L)$ будет справедлива формула, варьируемая от $t(L)xA$ и $t(L)xB$ до $t(L)xN$, где $A, B, C \dots N$ – это различные варианты толкования события наблюдателем.

Таким образом, реальность всегда конструируется, какой бы одинаковой и объективной для всех она ни казалась. “Мы как живые организмы не нуждаемся в допущении внешней независимой реальности, чтобы жить” [11]. Дети вынуждены конструировать воспринимаемую реальность сами, независимо от того, принимаем ли мы позицию объективного реализма или нет. Они находятся в состоянии непрекращающегося выстраивания и перестраивания своей реальности, а не пользуются набором готовых структур [15]. Дети с самого своего дня рождения оказываются “вдействованы” в этот мир подобно тому, как начинающий пловец на глубине вынужден своими движениями и ощущениями тела путём проб и ошибок вырабатывать соответствующие координаты. Неудовлетворенность результатом одних действий запускает процесс достижения результата других действий. И так происходит развитие организма “из самого себя”, овладение теми умениями и навыками, которые работают и адаптивно надёжны. Какой бы истинной, независимой субстанцией материального мира ни была вода (на глубине), каким бы объективным ни был бы факт плавания, человек никогда не научится действовать в воде и создавать из этих действий “рабочую дей-

ствительность”, если он сам не прошёл весь путь такого вдействования, не создав в себе рабочие схемы сенсомоторных координат.

Если сравнить воду с языком, а пловца с субъектом познания, сказанное можно отнести к языку как к среде выживания человеческого организма, где он вынужден “вырабатывать, использовать и поддерживать в непрерывном эмпирическом потоке собственные относительно устойчивые перцептуальные и концептуальные структуры” [19, с. 118]. Такие структуры суть “интериоризованная собственность” организма, а не одинаковый, общий для всех материал. В противном случае трудно было бы объяснить сам факт когнитивного развития и обучения как неотъемлемое условие овладения этим материалом или, например, так называемый феномен маугли, детей не сумевших пройти этот путь в языке и, по сути, оставшихся за бортом той самой реальности, “объективной” для остальных людей.

Свое выступление на Второй Азиатско-Тихоокеанской конференции 1969 года по проблемам психического здоровья Г. Бейтсон начал с импровизированного эксперимента. Он попросил проголосовать всех, кто согласен с тем, что видит его “здесь и сейчас”. Увидев поднятые руки, учёный назвал это коллективным сумасшествием и объяснил, что в действительности аудитория видела не его, а “ворох кусочков информации” о нём, которую они синтезируют в зрительный образ [6]. Этим Бейтсон хотел сказать, что образ, даже зрительный, не существует в готовом виде ни вовне, ни в сознании воспринимающего, а всегда конструируется воспринимающим в активной познавательной деятельности.

5. Языковое значение как экспериенциальная категория: теоретико-методологические предпосылки для лингвистических исследований

Не секрет, что семантический анализ является излюбленным приёмом, к которому прибегают лингвисты каждый раз, изучая природу языковых значений. Суть метода заключается в анализе того, что языковой субъект говорит или пишет. Результат такого исследования предстаёт в виде дескриптивных, а в худшем случае – прескриптивных моделей функционирования языковых единиц. Создаются лексикографические списки, описательные теории, формулируются “семантические инварианты”. Но можно ли уз-

нать *действительную* природу языкового значения, опираясь только на слова?

Известный физик, нобелевский лауреат П. Бриджмен ещё в 1927 году ответил на этот вопрос категорическим “нет”. Он утверждал, что с научных позиций “истинное значение слова можно найти, только наблюдая за тем, *что человек делает, а не что он говорит*” [7, с. 7]. Позже, Л. С. Выготский одним из первых советских учёных экспериментально доказал, что “при понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива ... есть неполное понимание” [1, с. 315]. Семантический метод как словесное определение содержания слов и понятий страдает существенными недостатками, поскольку забывает, что понятие связано с чувственным материалом, из восприятия и переработки которого оно рождается [там же, с. 105]. Для лингвистической науки такие выводы звучат более чем пессимистично: семантика языка перестаёт быть “рационально построенным концептуальным объектом” [2, с. 19], доступным для определения. Это всегда меняющийся опыт человека, его экспериенциальная динамика, непрерывный конструктивный процесс преобразования перцептуального в умственное и наоборот. Значение, по сути, *нельзя определить*: нельзя поставить предел тому, что не имеет предела.

Э. фон Глазерсфельд приводит пример, иллюстрирующий относительность и экспериенциальную сущность языкового значения. “Поделиться с кем-то машиной”, – пишет он, – “не то же самое, что поделиться с кем-то бутылкой вина”. В первом случае несколько человек пользуются одной и той же машиной, во втором же случае вино, выпитое одним человеком, нельзя выпить другому. Функционирование языкового значения схоже именно с тем, что происходит во втором случае. Мы не можем поделиться с кем-то нашим опытом – мы можем только о нём рассказать с помощью слов, значения которых мы привыкли ассоциировать с этим опытом. Но то, что другие понимают из слов, которые мы используем, основывается на их опыте использования этих слов и соответствующих ассоциаций, а этот опыт никогда не идентичен в абсолютной мере с нашим опытом [19, с. 48].

В самом деле, языковое значение, как и любое наше действие, представляет собой скорее синтез чувственного материала и умственных опе-

раций, а не что-то по отдельности. Этот синтез обязательно происходит в том или ином контексте функционирования нашего тела. Знает ли современный подросток, что такое война? И да, и нет. Если знает, то не так, как ветеран войны. Последний буквально чувствует в семантике этого слова то, что никогда не сможет почувствовать человек, не прошедший боевые действия.

Рационалисты сказали бы, что коннотации могут быть различными, однако логико-семантический денотат слова всегда одинаков для всех. Но мы как телесные существа не можем думать, не чувствуя [10]; “чувства не побочный эффект разума, а, наоборот, его единственный материал” [17]. Соответственно, рассудочная деятельность – такая же когнитивная динамика, о линейности которой говорить затруднительно.

Приведём пример того, как семантика слова и корпоральный опыт человека *совпадают* друг с другом. С логико-семантических позиций, слово “холодный” характеризует то, что имеет низкую температуру. Однако в реальной жизни нашего тела низкой может быть температура как в -10, так и + 60 градусов. Так, например, зайдя в финскую сауну, работающую лишь на треть от полной мощности, мы не сможем назвать эту сауну иначе, как “холодной”. Напротив, выйдя из финской сауны на снежный двор почти без одежды, мы вряд ли почувствуем холод в “истинном” значении этого слова. Всё это показывает, что мы не только неспособны определить объективную температуру воздуха в каждом конкретном случае, но и не можем полагаться на так называемые “денотативные” значения слов, эту температуру описывающих. Значение слова превращается в **экспериенциальную категорию**, имеющую смысл только относительно нашего тела в контекстуализованной среде.

Анализировать семантику слова значит анализировать поведение наблюдателя в том или ином контексте физической среды, а также то, как это поведение и эта среда совместимы друг с другом. В конце концов, не бывает такого словаря, в котором можно найти каждый пример семантического взаимодействия человека в реальной динамической среде: словари переиздаются, дополняются, разделяются на тематические словари сленга, делового языка и т.д. – одним словом, пытаются успеть за динамикой лингвиста. Не бывает такого словаря, в котором были бы отражены все случаи метафор, образных сравнений и других примеров нелинейного мышления человека. Не бывает той грамматиче-

ской структуры, которая бы не выходила за свой линейный предел, обозначенной ей лингвистом в определении этой структуры. Прошедшее время в глаголе “подъехал” совсем не прошло и даже не пришло в экспериенциальной динамике ожидающего такси клиента: не видя самой машины, но услышав по телефону фразу к “вам подъехала машина”, он не будет вспоминать прошлое, а немедленно станет искать своё будущее, машину, в которую нужно сесть. Похожее можно сказать и про лексико-семантическую нелинейность, в особенности касающуюся современной проблемы лингвистической культуры. Не бывает чётких списков эвфемизмов и политкорректного лексикона, которым стремятся научить словари и справочники. Например, ортофемизм “умереть” (эмоционально нейтральное слово), сказанное человеку, только что потерявшего близкого, звучит как грубый дисфемизм. И наоборот, эвфемизм “уйти из жизни”, сказанный при описании смерти преступника, звучит как оскорбление для родственников жертв этого преступника [5].

Значение слова имеет смысл исследовать как часть опыта наблюдателя, как изменение в действиях, мышлении и эмоциях человека, которые он принимает за изменения окружающей действительности. Основным методологическим направлением такого исследования должен послужить эмпирический подход к языку, в рамках которого приоритетным считается наблюдение за действиями языкового субъекта, а не чтение и анализ письменного текста. Раскрыть значение того или иного слова, концепта, значит понять и объяснить, что это слово и концепт есть в жизни человека как *способ действия в мире и взаимодействия с миром*. Для этого нужно увидеть, как человек ведёт себя в процессе конструирования того или иного смысла, как он меняет своё отношение и как он впоследствии различает эти изменения. В качестве конкретных данных для наблюдения могут послужить как эксперименты, так и перцептуально-когнитивный опыт человека, визуализированный в кинематографической динамике (на материале художественных фильмов) (см. [5]).

6. Заключение: от теории к практике и от практики к теории

Эпистемологический анализ наблюдателя как когнитивного агента, лингводиателя и мирообразующего фактора, проведённый в статье, по-

зволяет сделать ряд важных лингвистических заключений. Взгляд на язык как на средство отражения или отображения реальности, как на посредника между человеком и окружающим миром является редукционистским и в некоторой степени опасным. По словам В. Варелы, идея о том, что человек репрезентирует внешний мир, упрощает видение всех сложных жизненных процессов, происходящих вокруг и внутри. Репрезентационизм не позволяет постичь экологию нашего мира, функционирующую по принципам циркулярности, цикличности, нежели чем линейной каузальной связи. Мир – это не только причина, но и результат наших действий. То же самое касается нас самих: мы не только обусловлены окружающей средой, мы её обуславливаем сами в своих действиях [16].

Являясь наблюдателями, сохраняющим свои состояния в виде нейронных отпечатков и превращая эти отпечатки в новые состояния, мы создаём свой опыт в языке и посредством языка. То, как мы конструируем этот опыт в абстракциях и рефлексиях, определяет то, что мы считаем реальностью. То, что мы считаем реальностью, определяет то, как мы конструируем свой опыт. Именно этот принцип холизма и циркулярности лежит в основе психотерапевтических практик, психосоматической медицины, криминалистической психологии и даже различных маркетинговых технологий, в которых недостаточно просто понять, что вокруг – важно понять, что внутри, и связать эти два понимания между собой для достижения той или иной конкретной цели.

Вероятно, лингвистике предстоит сделать то же самое. Принцип относительности и экологии познания должен стать официальной научной позицией лингвистов. Пока же признание языка реляционной областью наблюдателя, создаваемой им из абстрагированного и отрефлектированного чувственного материала, приносит дивиденды прикладного характера совсем другим специалистам, решающим острые коммуникационные вопросы. Например, летом 2019 года стало известно о том, как компания Гугл, мировой монополист информационных ресурсов, нашла решение многолетней геополитической дилеммы обозначения на карте мира республики Крым. Сохранить верность пользователей и на западе, и в России ей помог гибкий подход к соотношению “карта-территория” и “язык-мир”, а именно учёт фактора наблюдателя: территория Крыма теперь обозначается как часть России только для пользователей из России.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
2. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: "Новое литературное обозрение", 1996. 352 с.
3. Мамардашвили М. Беседы и о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018. 442 с.
4. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М. Прогресс, 1981. 232 с.
5. Фомина Т.А. Икс-фемия, или о трудностях разграничения эвфемии и дисфемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (1). С. 122-134.
6. Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. New Jersey, London: Jason Aronson Inc., 2000. 521 pp.
7. Bridgman P. W. The logic of modern physics. / P.W. Bridgman. New York: Macmillan, 1927 (1958). 246 pp.
8. Dent E. B. "The Observation, Inquiry and Measurement Challenges Surfaced by Complexity Theory" / Richardson K. (ed.) Managing the Complex: Philosophy, Theory and Practice. Greenwich: IAP, 2005. P. 253-268.
9. Goldstein B. Cognitive Psychology: Connecting Mind, Research, and Everyday Experience / B. Goldstein. Belmont, CA: Wadsworth, Cengage Learning, 2011. 444 pp.
10. James W. Pragmatism. A new way for some old ways of thinking, [Electronic resource]. – URL: http://www.gutenberg.org/files/51116/51116-h/51116-h.htm#link2H_PREF
11. Maturana H. R. "Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument" // The Irish Journal of Psychology, 1988, 9 (1). P. 25-82.
12. Maturana H. "Self-consciousness: How? When? Where?" // Constructivist Foundations. 2006. 1 (3). P. 91-102.
13. Mytkowicz T., "Observer Effect and Measurement Bias in Performance Analysis" / T. Mytkowicz, P. Sweeney, H. Matthias H., et al. // Computer Science Technical Reports. 2008. 972, [Electronic resource]. – URL: http://scholar.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1971&context=csci_techreports
14. Piaget J. La construction du réel chez l'enfant [Construction of reality in a child] / J. Piaget. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1937. 345 pp.
15. Piaget J. L'équilibration des structures cognitives [The equilibration of cognitive structures] / J. Piaget. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 188 pp.
16. Varela F. J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F.J. Varela, E. Thompson, E. Rosh. – Massachusetts: MIT Press, 1993. 309 pp.
17. Vico G-B. De antiquissima Italorum sapientia (Latin original and Italian translation by Pomodoro, 1858) / G-B. Vico. Naples: Stamperia de'Classici Latini, [Electronic resource]. – URL: http://archive.org/stream/philosophyofgiam00cro/philosophyofgiam00cro_djvu.txt
18. Von Foerster H. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition / H. von Foerster. NY, Berlin: Springer Science & Business Media, 2003. 362 pp.
19. Von Glasersfeld E. Radical Constructivism: a way of knowing and learning / E. von Glasersfeld. Bristol: Falmer Press, 1995. 213 pp.

Сведения об авторе:

Дружинин Андрей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Москва, Россия) Сфера интересов: эпистемология, когнитивная лингвистика, экспериментальная лингвистика. E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

LANGUAGE AS THE OBSERVER'S WORLD AND THE WORLD AS THE OBSERVER'S LANGUAGE: TOWARDS AN EXPERIENTIAL APPROACH TO LINGUISTIC PHENOMENA

Andrey S. Druzhinin

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Beyond doubt, one of the main concerns of linguistics is an understanding of the generative mechanisms underlying language behavior and speech production. The article offers a synthetic view on*

the epistemological problem of the observer as a cognitive agent and languager constructing his/her own world in language and his/her own language in the world (Merleau-Ponty). With reference to the linguo-philosophy of radical constructivism and enactivism, the author makes a case against the objectivist, realist and representationalist stances popular in mainstream linguistics. It is claimed that objectivity is the linguistic illusion of the observer which emerges through abstractions and reflections wherein perceptual objects become 'as-if perceptual' (cf. Vaihinger 'Als ob reality'), i.e. reference frames re-presenting (substituting) this or that empirical material. Any sensorimotor interaction may become part of the observer's experience to generate imaginative material in cognitive operations and operations upon the results of these operations. Language is thus a condition for the existence of the observer: it is emotive experience construction from the sensory material in and through abstractions and reflections. Outside or beyond this experience the observer as a subject and subject-matter does not make sense. This is why semantics, concepts and meanings of words, can be considered as a human's way and domain of acting all in one.

Key Words: *abstraction, reflection, objective reality, cognitive agent, act of thinking, observer effect.*

References

1. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe Publ. 324 pp.
2. Gasparov B. M. Iazyk, pamyat', obraz. Lingvistika iazykovogo sushestvovaniia [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Being]. Moskva: Novoie literaturnoe obozreniie [New Literature View], 1996. 352 pp. (in Russian).
3. Mamardashvili M. Besedi o myshlenii [Lectures on thinking]. Moskva: Fond Meraba Mamardashvili, 2006. 442 pp.
4. Naisser U. [Neisser U.] Poznanie i real'nost'. Smysl i printsipy kognitivnoi psikhologii [Cognition and reality. Principles and implications of cognitive psychology]. Moskva: Progress, 1981. 232 pp.
5. Fomina T.A. Iks-femiia, ili o trudnostiakh razgranicheniia evfemii i disfemii [X-phemisms, or on the difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura. [Vestnik of St. Petersburg State University. Language and literature]. № 17 (1). P. 122-134.
6. Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology/ G. Bateson. New Jersey, London: Jason Aronson Inc., 2000. 521 pp.
7. Bridgman P. W. The logic of modern physics / P. W. Bridgman. New York: Macmillan, 1927 (1958). 246 pp.
8. Dent E. B. "Observation, Inquiry and Measurement Challenges Surfaced by Complexity Theory" / Richardson K. (ed.) Managing the Complex: Philosophy, Theory and Practice. Greenwich: IAP, 2005. P. 253-268.
9. Goldstein B. Cognitive Psychology: Connecting Mind, Research, and Everyday Experience./ B. Goldstein. Belmont, CA: Wadsworth, Cengage Learning, 2011. 444 pp.
10. James W. Pragmatism. A new way for some old ways of thinking, www.gutenberg.org/files/5116/5116-h/5116-h.htm#link2H_PREF
11. Maturana H. R. "Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument" // The Irish Journal of Psychology, 1988, 9 (1). P. 25-82.
12. Maturana H. "Self-consciousness: How? When? Where?"// Constructivist Foundations. 2006. 1 (3). P. 91-102.
13. Mytkowicz T. "Observer Effect and Measurement Bias in Performance Analysis" / T. Mytkowicz, P. Sweeney, H. Matthias, et al. // Computer Science Technical Reports./ 2008. 972, scholar.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1971&context=csci_techreports
14. Piaget J. La construction du réel chez l'enfant [Construction of reality in a child] / J. Piaget. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1937. 345 pp.
15. Piaget J. L'équilibration des structures cognitives [The equilibration of cognitive structures] / J. Piaget. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 188 pp.
16. Varela F. J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F.J. Varela, E. Thompson, E. Rosh. Massachusetts: MIT Press, 1993. 309 pp.
17. Vico G-B. De antiquissima Italorum sapientia (Latin original and Italian translation by Pomodoro, 1858) / G-B. Vico. Naples: Stamperia de'Classici Latini, archive.org/stream/philosophyofgiam00cro/philosophyofgiam00cro_djvu.txt
18. Von Foerster H. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition / H.von Foerster. NY, Berlin: Springer Science & Business Media, 2003. 362 pp.
19. Von Glasersfeld E. Radical Constructivism: a way of knowing and learning / E. Von Glasefeld. Bristol: Falmer Press, 1995. 213 pp.

About the author:

Druzhinin A.S. – PhD, Associate Professor at Department of English Language № 3, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: epistemology, cognitive linguistics, experiential linguistics. E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

* * *